

Руднев Дмитрий Владимирович

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
rudnevd@mail.ru

Средства выражения императивности в уставах эпохи Екатерины II*

Для цитирования: Руднев Д. В. Средства выражения императивности в уставах эпохи Екатерины II. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература.* 2023, 20 (4): 768–787. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.406>

В деловом языке эпохи Екатерины II заметно активизировался жанр устава, который редко встречался после смерти Петра I. Создаются многочисленные уставы, касавшиеся разных сторон русской жизни — морского и военного дела, управления, судопроизводства, образования и пр. Уставы Екатерины II являлись важным инструментом модернизации и европеизации различных общественных сфер Русского государства. В них не столько систематизировалось существующее законодательство по тому или иному вопросу, сколько создавался идеализированный образ будущего положения дел в той или иной сфере русской жизни (образовании, управлении и т. д.). Тексты уставов представляют интерес для изучения не только того, каким виделось властям желаемое устройство той или иной сферы общественной жизни, но и как должны были выстраиваться отношения между участниками (субъектами права) этих сфер. В связи с этим особый интерес представляет императивная лексика уставов, которая на языковом уровне воплощает способы правового регулирования. Историческое изучение императивной лексики позволяет понять ход и этапы ее становления в современном русском языке (в том числе в языке права), а вместе с тем и то, как власти представляли взаимодействие между участниками правовых отношений. В статье описываются и анализируются средства выражения императивности в двух важнейших уставах эпохи Екатерины II — в «Учреждениях для управления губерний Всероссийской империи» (1775) и в «Уставе благочиния» (1782). Выявленные императивные модели классифицируются по способам выражения и концептуализации императивного значения и сравниваются с моделями предшествующей эпохи. На основе сравнения выявляется продуктивность императивных моделей, а при отсутствии моделей в прошлом источники их появления в русском языке.

Ключевые слова: русский язык XVIII в., история русской деловой письменности, императивность, устав, Екатерина II.

Введение

После периода правления Петра I, когда был создан ряд уставов и регламентов, определивших жизнь страны на долгие десятилетия, вплоть до эпохи Екатерины II новых подобных документов почти не появляется, напр.: Морской пошлинный регламент или устав (1731), Регламент Камер-коллегии (1731), Таможенный устав

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-012-00338 «Система средств выражения императивности в русском деловом языке XVIII века».

(1755). В период правления Екатерины II ситуация меняется и активно сочиняются уставы, касавшиеся различных сторон жизни государства, — морского и военного дела, управления, судопроизводства, образования и пр., что знаменовало новый период модернизации России и отражало попытки властей применить достижения политической европейской мысли на русской почве. Трансформации подвергся и язык уставов, в том числе способы выражения императивности (о языке петровских уставов см. [Руднев, Пушкарева 2021; Садова 2021; Пушкарева 2021; Руднев 2022]).

Материалом для наблюдений послужили тексты «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» (1775)¹ и «Устава благочиния» (1782). Эти тексты относятся к числу важнейших уставов эпохи правления Екатерины II, существенным образом преобразовавших существовавшую систему местного управления и судопроизводства.

Появлению «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» (далее — «Учреждение о губерниях», УГ) предшествовал Пугачевский бунт: он «с катастрофической ясностью обнажил недостатки российской системы местного управления, которые раньше были столь выразительно описаны в дворянских наказах Уложенной комиссии и освещены в ходе ее дебатов» [Мадариага 2002: 439]. «Учреждение» почти полностью написано самой Екатериной II во время ее пребывания в Москве», однако «есть основание предполагать, что дело не обошлось без участия некоторых близких Екатерине лиц» — Я. Е. Сиверса, П. В. Завадовского, А. А. Безбородко и С. Е. Десницкого [Григорьев 1910: 201]. В ходе реформы, длившейся с 1775 по 1785 г., 25 губерний были преобразованы в 41, к концу правления императрицы число губерний возросло до 50 [Мадариага 2002: 456], в губерниях была сформирована совершенно новая система управления. В тексте «Учреждения о губерниях» подробно описывался порядок работы, обязанности и полномочия новых органов управления, характер их отношений друг к другу. Среди прочего, в «Учреждениях о губерниях» предусматривался пост городничего, обязанностью которого «было следить за общественным порядком и благочинием и исполнять решения местной администрации и судов» [Мадариага 2002: 466]. Дальнейшее расширение законодательства о полиции было связано с появлением 8 апреля 1782 г. «Устава благочиния, или полицейского» (далее «Устав благочиния», УБ). Документ состоял из 274 статей и касался не только организации и полномочий городской полиции: в нем также была проведена кодификация законов о гражданских и уголовных правонарушениях в целом. «Устав благочиния» был типичным просвещенческим документом, включавшим в свой состав дидактические элементы. Примером екатерининского дидактизма служит включенный в текст устава «Наказ управе благочиния», который состоял из правил нравственного поведения, общественных обязанностей населения и правил исполнения полицейских обязанностей [Мадариага 2002: 466–467].

Уставы имеют сходную структуру: текст организован в два столбца, в левом столбце мелким шрифтом дается конспективное содержание пункта или параграфа, в правом — его полное содержание (подобная структура характерна и для неко-

¹ Отметим, что «Словаре Академии Российской» *учреждение* определяется как «книга законная, или устав, Екатериною II для порядка в управлении губерний Российския империи изданная» [САР, 6: 803].

торых других законодательных текстов Екатерининской эпохи — «Устава о вине», «Жалованной грамоты дворянству», «Жалованной грамоты городам» и др.). Напр.:

Уездный казначей не собирает денег и не распоряжает доходами, но ведет щеты и бережет деньги.

136. Уездный казначей не имеет власти сам собирать, ни распоряжать казенными доходами, но он есть хранитель тех денег, кои в казну приносятся, и ведет порядочныя приходныя и расходныя книги (УГ. С. 39)

Итак, оба устава вводили новую систему управления, в них формулировались полномочия и круг обязанностей новых органов власти и должностных лиц. Все это обусловило широкое употребление различных средств выражения императивности, изучению которых посвящена предлагаемая статья.

В работе использованы описательный, сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный методы, приемы количественных подсчетов, контекстного и лексикографического анализа.

Цель статьи — описать и проанализировать систему императивных средств в уставах Екатерины II в сопоставлении с документами предшествующей эпохи, проследить черты сходства и новации, определить источники новых императивных средств и причины их появления.

Результаты исследования

Деловой речи присуща «стилевая окраска долженствования... в силу необходимости реализовывать основные регулировочные функции права» [Дускаева, Протопопова 2016: 274]. Императивность (долженствующе-предписывающая окраска) деловых текстов неоднородна и формируется тремя основными пластами лексики — с семантикой обязывания, разрешения и запрета [Орлова 2014; Ширинкина 2018], соответствующими трем способам правового регулирования, традиционно выделяемым юристами, — положительному обязыванию (предписанию), дозволению и запрету (см. работы С. С. Алексева, Н. И. Матузова, В. Д. Сорокина, В. И. Червонюка, И. С. Хохловой, В. Ф. Яковлева и др.). В соответствии с тремя основными способами правового воздействия — позитивное обязывание, запрет и дозволение — императивные средства, участвующие в их выражении, могут быть разделены также на три группы. С логической точки зрения модальные значения обязывания, запрещения и дозволения (разрешения) соотносятся следующим образом: «...обязательно то, от чего не разрешено воздерживаться; обязательно все, что запрещено не делать; разрешено то, от выполнения чего не обязательно воздерживаться; разрешено все, что не запрещено; запрещено то, от чего обязательно воздерживаться; запрещено все, что не является разрешенным» [Ивин, Никифоров 1997: 81].

Дальнейшее изложение разделено на три части, в которых описываются и анализируются средства выражения обязывания, разрешения и запрета.

Выражение обязывания

Обязывание «представляет собой такой способ правового регулирования, который заключается в возложении... на субъекта права необходимости (обязанности) совершать определенные действия» [Омелехина 2015: 25]. Средства выра-

жения обязывания встречаются в проанализированных уставах значительно чаще, чем средства выражения разрешения и запрета.

В уставах эти средства очень разнообразны. Максимально эксплицитным способом выражения обязывания является перформативный глагол *повелевать* 'предписывать' [СлРЯ XVIII, 20: 93] в форме 1 л.:

- (1) *Повелеваем при всякой денежной кладовой содержать кладовую дневную записку...* (УГ. С. 43).

Средства выражения обязывания далее классифицированы по двум параметрам: по синтаксическому типу предложений, в которых они употребляются (двусоставные или односоставные), и по способу выражения (грамматические или лексические средства).

Таблица 1. Средства выражения обязывания в двусоставном предложении и общее количество их употреблений в тексте

Средства выражения обязывания	Учреждение о губерниях	Устав благочиния
Грамматические средства		
Настоящее долженствования	816	184
Будущее долженствования	176	30
да + настоящее/будущее время	81	79
Лексические средства		
<i>должен</i>	57	18
<i>иметь</i>	49	22
<i>долженствовать</i>	47	8
<i>обязан</i>	29	7
<i>повинен</i>	9	–

Из табл. 1 видно, что в тексте и «Учреждения о губерниях», и «Устава благочиния» ведущими в двусоставном предложении являются грамматические средства. К их числу относятся настоящее и будущее время со значением долженствования и императивная конструкция «да + настоящее/будущее время». Напр.:

- (2) *...и когда что законам противное найдется, [городничий] отсылает виновных к суду, куда по законам надлежит; когда же суд не заседает, то содержит виновных под стражею и доносит наместническому правлению* (УГ. С. 89); *Управа благочиния выслушивает всех без изъятия: убогих, богатых, сильных, безильных, знатных и незнатных* (УБ. С. 30).
- (3) *При открытии всякаго срока заседания губернский магистрат во-первых прочтет реэстр делам к его решению подлежащим* (УГ. С. 123); *...и буде слуга, служанка или рабочий человек жило переменит, то и о том объявит маклеру. Маклер же запишет и день, и месяц, и год, когда к нему явился, и что объявит, в свою маклерскую книгу слуг и рабочих людей* (УБ. С. 53).

- (4) ...и буде чрез два года никто не явится для спора, то впредь всякий спор **да уничтожится** и купленное за покупщиком **да утвердится** (УГ. С. 102); Но как скоро [частный пристав] сведает о проступке или преступлении, узаконению противном или обществу вред наносящем, **да даст** о том знать городничему и **да приступит** ко изследованию (УБ. С. 44–45).

В рамках последнего способа выражения обязывания отметим конструкцию «*да благоволит* + инфинитив» (*благоволит* — ‘милостиво согласиться на что-л., снизить’ [СлРЯ XVIII, 2: 33–34]).

- (5) ...**да благоволит** губернский магистрат или верхняя расправа приказать, или послать, или прислать, или как по которому случаю складно, прилично или нужно писать... (УГ. С. 202).

Эта конструкция использована в тексте в качестве иллюстрации, каким образом губернским учреждениям следует обращаться друг к другу в ходе официальной переписки. Источником формулы является жанр промемории — один из видов документов, которым сносились равные по положению учреждения [Краткий словарь 1974: 74; Лукашевич 1991: 40]. По мнению С. В. Русановой, неизвестная приказному делопроизводству конструкция *да благоволит учинить* является результатом трансформации резолютивной формулы промемории, первоначально выражавшейся при помощи независимого инфинитива (*учинить*): «описательная форма повелительного наклонения с ярко выраженным оценочным компонентом (*да благоволитъ*) смягчала императивную категоричность инфинитивной конструкции» [Русанова 2014: 189]. Способность глагола *благоволит* употребляться с инфинитивом отмечается в допетровской письменности (в том числе деловой), однако не исключено, что на распространение формулы «*да благоволит* + инфинитив» повлиял немецкий язык и калькирование глагола *wohlwollen* (< *wohl* ‘благо, добро’ + *wollen* ‘желать, волить’; ср. толкование *wohlwollen* в Вейсманновом лексиконе: ‘радети, добротствовати, добра желати кому’ [Вейсманн 1731: 761]), который употребляется с инфинитивом. Обязательность использования в промемории формулы «*да благоволит* + инфинитив» была введена 11 ноября 1721 г. указом о титулах Петра I: «Из коллегии такой в коллегию такую, потом дело, а во окончании: и такая-то коллегия *да благоволит учинить* то и то» (УПВ. С. 371).

Таблица 2. Средства выражения обязывания в односоставном предложении и общее количество их употреблений в тексте

Средства выражения обязывания	Учреждение о губерниях	Устав благочиния
Грамматические средства		
Независимый инфинитив	182	468
Лексические средства		
<i>надлежит</i>	32	3
<i>должно</i>	9	–
<i>следует</i>	2	–

В односоставном предложении грамматическим способом выражения обя- зывания является независимый инфинитив (табл. 2), широко использовавшийся в допетровской деловой письменности (см., напр.: [Соколова 1952: 58; Колобкова 1995: 15–16; Пичхадзе 2010: 15–16]):

- (6) *В самых же нужных или сомнительных случаях, прописывая свое мнение, **докла- дываться** дворянской опеке и **требовать** от нея наставления (УГ. С. 70); В каж- дой части города **определить** одного или более судей словеснаго суда из граждан (УБ. С. 23).*

Как можно видеть из приведенных количественных данных, инфинитив как средство выражения обязывания существенно уступает настоящему долженствованию в «Учреждении о губерниях», что свидетельствует о постепенном становлении двусоставного предложения как базовой структуры при выражении обязывания. Однако в «Уставе благочиния» отмечается значительно более широкое употре- бление инфинитива для выражения обязывания: он встречается в 2,5 раза чаще, чем настоящее долженствования. Если сопоставить приведенные в табл. 1 и 2 дан- ные с данными, полученными нами при подсчете способов выражения обязывания в «Уставе о вине» (1781), то можно обнаружить схожую картину: в «Уставе о вине» на 185 случаев использования инфинитива приходится 69 случаев употребления настоящего долженствования, т. е. инфинитив встречается примерно в 2,7 раза чаще. В отношении частотности употребления инфинитива «Устав благочиния» в большей степени соответствует основному массиву деловых документов Екате- рининского времени, где, по нашим наблюдениям, при выражении обязывания продолжал безраздельно господствовать инфинитив.

К числу лексических средств выражения обязывания относятся различные мо- дификаторы в сочетании с инфинитивом, выполняющие в двусоставном предло- жении функцию составного глагольного сказуемого: *должен, иметь, долженство- вать* ‘быть должным, обязанным’ [СЛРЯ XVIII, 6: 196], *обязан, повинен* (в «Уставе благочиния» модальная лексема *повинен* не отмечена). Напр.:

- (7) *Деревни и люди малолетняго **должны** быть во всяком повиновении опекунам... (УГ, 65); Прокурор **должен** ходить чаще по тюрьмам... (УГ. С. 242); Словесный суд **должен** всякое дело по словесной просьбе окончить в один день, когда ответчик явится... (УБ. С. 50).*
- (8) *Подобныя же заключения губернский прокурор **обязан** сообщать генерал-проку- рору и от него принимать поправления... (УГ. С. 172); ...чего ради хозяева домов или их поверенные **обязаны** всегда давать знать квартальному надзирателю о всех к ним на житье приезжающих или приходящих, отъезжающих или отхо- дящих (УБ. С. 48).*
- (9) *Учение производится **имеет** всякий день, выключая воскресные и табельные дни... (УГ. С. 143); Квартальный надзиратель **имеет** смотреть, чтоб все и вся- кий в его квартале остался в законно-предписанном порядке (УБ. С. 48).*
- (10) *...городовый сиротский суд **долженствует** знать, как опекуны управляют име- нием сиротским... (УГ. С. 106); Частный пристав **долженствует** жить в части, к которой приставлен (УБ. С. 39).*
- (11) *Буде прокурор усмотрит за кем неисправление должности, то **повинен** доносить о том губернскому прокурору... (УГ. С. 184).*

Единичными случаями представлены иные способы выражения (*иметь долг, должность есть, долг есть* + инфинитив и нек. др.), напр.:

- (12) ...[губернские прокурор и стряпчие] **долг имеют** истреблять повсюды зловредныя взятки (УГ. С. 169).

Перечисленные средства выражения обязывания различаются не только оттенками семантики, но и сочетаемостью: модальные операторы *долженствовать, обязан, повинен, долг иметь* могут употребляться только в предложениях с личным субъектом, тогда как *должен, иметь* сочетаются как с личным, так и с нелично-предметным субъектом, что отчасти объясняет их более широкое использование в текстах документов.

Отдельно отметим конструкцию «*стараться* + инфинитив» со значением обязывания:

- (13) ...опекуны **стараются** из оставших за расходами доходов неоспоримые долги уплачивать и имение малолетняго освободить от всякаго долга (УГ. С. 70); Частный пристав **старается** во всем сохранить установленный порядок и стройность так, дабы лихие и недоброхотные к установленному порядку исправились, а добропорядочным гражданам доставить мир и безопасное житие (УБ. С. 39).

Особенность этой конструкции заключается в том, что она представляет обязывание как активное внутреннее побуждение адресата (ср. толкование глагола *стараться* в Словаре Академии Российской: ‘тщуся, пекуся, забочуся; напрягаю свои силы, способности для достижения конца в чем’ [САР, 5: 701]).

В безличных предложениях лексическими средствами выражения обязывания являются модальные операторы *надлежит, должно, следует* (в «Уставе благочиния» отмечен только безличный глагол *надлежит*; в «Уставе о вине» трижды употреблены глаголы *надлежит* и *следует*):

- (14) ...и для того приказу общественного призрения **надлежит** стараться о доставлении неизлечимым неимущим покрова, прокормления, услужения и призрения... (УГ. С. 148); Буде в городе явится дело такого рода, что многое число людей допросить **надлежит** из одной или разных частей города (или кварталов), то... (УБ. С. 28).
- (15) При отправлении денежной казны **должно** освидетельствовать, все ли деньги налицо... (УГ. С. 40); ...и весьма смотреть **должно**, чтоб строение было не тесное и не низкое... (УГ. С. 144).
- (16) Всякий род сбора, законами установленный с каждого уезда, буде денежный, да отдастся в кладовыя уезднаго казначея теми самими, кому сбор платить **следует**... (УГ. С. 37).

По сравнению с петровскими уставами, где безличные модальные операторы очень широко используются для выражения обязывания, в екатерининских уставах они занимают скромное место: они встречаются в «Учреждении о губерниях» в 4,5 раза реже, чем модальные операторы в двусоставном предложении (в «Уставе благочиния» в 18 раз реже). Для сравнения: в «Генеральном регламенте» *надлежит* — это самый частотный модальный оператор (ср.: *надлежит* — 77, *иметь* — 47, *должен* — 21, *повинен* — 7, *долженствовать* — 5), в «Адмиралтейском регламен-

те» *надлежит* лишь немного уступает по частотности слову *должен* (*должен* — 318, *надлежит* — 253, *иметь* — 37, *повинен* — 33, *должно* — 16) (см. [Руднев, Пушкарева 2021: 40]). Изменения, произошедшие в языке екатерининских уставов, касаются существенного сокращения частотности употребления безличных модальных операторов с семантикой долженствования, в частности *надлежит*. Вместе с тем отмечается проникновение в язык уставов безличного модального предиката *следует* (об истории его возникновения и распространения см. [Руднев 2021])². Это свидетельствовало о постепенном закреплении двусоставной модели предложения, которая медленно вытесняла инфинитивное предложение, безраздельно господствовавшее как средство выражения обязывания в документах допетровского времени.

Отчетливая тенденция екатерининских уставов — распространение модальных операторов с корнем *-долг-* (*должен*, *долженствует*, *должно*). По наблюдениям А. Д. Шмелева, «*долг* метафоризируется как изначально существующий внутренний голос (или, быть может, голос свыше), указывающий человеку, как ему следует поступить» [Шмелев 2002: 206–207]. Для предиката *должен* предложено следующее семантическое толкование: «...существуют не зависящие от воли субъекта Р обстоятельства Q, такие, что если субъект не сделает Р, то некоторая сила F, входящая в состав обстоятельств Q, причинит субъекту зло» [Кобозева, Лауфер 1991: 172] (см. также толкование семантики *должен* в [Hansen 2001: 184–187]). Такими обстоятельствами могут выступать как институциональные нормы (правовые, служебные и т. п.), как у предиката *обязан*, так и внутренний долг (морально обязывающее значение). В предикате *должен* разные виды необходимости (деонтическая, моральная, запланированная и др.) могут быть слиты воедино, порождая смешанные типы употребления: «Характерной особенностью *должен*... является возможность недифференцированных, “размытых” и переходных употреблений, в которых остается неясным, какой именно вид необходимости имеет место» [Шатуновский 1996: 247]. Такой синкретизм хорошо соответствовал обязанности подчиненных служить не только за страх, но и за совесть. Расширение выражения обязывания при помощи слов *должен*, *долженствует*, *должно*, сочетания *долг иметь* можно интерпретировать как желание властей побуждать подчиненных к действию через указание на внутренний моральный долг.

К числу продуктивных средств выражения обязывания относится модальный оператор *обязан*, известный, но еще редкий в деловых текстах Петровского времени. На его распространение оказало влияние калькирование нем. *verbunden*. Так, в Вейсманновом лексиконе причастие *verbunden* толкуется как ‘обязан, принужден, одолжен’ [Вейсманн 1731: 663]. Обращает на себя внимание, что калька *обязан* дана первой, что указывает на ее узуальный характер. Показательные примеры прямого соответствия между русским *обязан* и немецким *должен* находим в «Наказе» Екатерины II:

² Отметим, что ранний случай инфинитивной конструкции с глаголом *следовать* отмечен в «Житии Корнилия Комельского» (XVI в.): *Не следует умолчать и о таком чуде* [НКРЯ], однако исторические словари не фиксируют модального значения у глагола *следовать* в допетровскую эпоху и не приводят иных случаев его употребления в составе инфинитивной конструкции (см. [СлРЯ XI–XVII, 25: 77]). Единичный случай употребления конструкции не позволяет оценить ни ее значение, ни ее связь с современной инфинитивной конструкцией.

- (17) Всякий **обязан** учить своих детей страха божия как начала всякаго целомудрия... (Наказ 1767. С. 113) *Ein jeder ist **verbunden**, seinen Kindern die Furcht Gottes als den Anfang aller Weißheit beizubringen...* (Наказ 1767. С. 113)
- (18) ...по сей причине мы **обязаны** говорить о вещах так, как они быть должны (Наказ 1767. С. 154) *...und dieser Ursache wegen sind wir **verbunden**, von den Sachen so zu reden, wie sie sein sollen* (Наказ 1767. С. 154)

В отличие от *должен*, слово *обязан* вследствие своей внутренней формы выражало идею обязывания как принуждение под влиянием внешних по отношению к человеку юридических норм: «*обязанность* метафоризируется как груз, который необходимо перенести с места на место», «*обязанность*... представляет собою нечто внешнее и утилитарное» [Шмелев 2002: 207, 209]. В отличие от современного языка, в языке XVIII в. модальный оператор *обязан* мог сочетаться не только с инфинитивом, но и с предложно-падежными формами существительного:

- (19) *К исполнению повелений губернского правления **обязаны** как верхние, так и уездные нижние земские суды...* (УГ. С. 26); *...в чем всякий верный императорского величества подданный **обязан** по мере власти, силы и возможности* (УГ. С. 78).

Это вполне соответствует употреблению *verbunden* в немецком языке, ср.: *Alle Bürger sind zur Bürger-Pflicht verbunden; Все мещаня к должностям мещанским обязаны* [Шванвиц 1745: 365].

Глагол *стараться* фиксируется в русском языке с XVII в. в значении 'проявлять заботу, попечение о ком-, чем-л.' [СлРЯ XI–XVII, 27: 205] и, видимо, является полонизмом (от польск. *starać się*). Инфинитивная конструкция «*стараться* + инфинитив» фиксируется в русском языке первой четверти XVIII в. (напр.: *Також де надлежит ему, господину посланнику **стараться** склонять шаха, дабы подданным ево армяном жулфинцом повелено было весь свой торг с шолком сырцом обратить проездом в Российское государство...* (Инструкция Петра I Волынскому для выполнения дипломатической миссии в Персии, 1715) [НКРЯ]), а в екатерининскую эпоху проникает в деловые тексты. При таком способе выражения обязывания субъект волеизъявления рассматривает субъекта-исполнителя не как находящегося с ним в субъектно-объектных отношениях, а как разделяющего его (субъекта волеизъявления) стремления. В качестве средства выражения обязывания это средство не пережило екатерининскую эпоху, однако его использование примечательно тем, что оно является индикатором влияния диспозитивных методов правового регулирования в сфере выражения обязывания (императивный метод правового регулирования предполагает неравенство положения участников отношений; правовое регулирование в этом случае ориентировано на односторонние властные предписания государственных органов относительно субъектов права).

Еще одно замечание следует сделать относительно текстовой локализации разных способов выражения обязывания. Как уже было отмечено, текст уставов организован в два столбца: в левом столбце мелким шрифтом дается конспективное содержание пункта или параграфа, в правом — его полное содержание. Все разнообразие средств выражения обязывания отмечено в правом столбце; наоборот, в левом столбце встречаются не все средства (так, не отмечены модальные операторы *надлежит*, *должно*, *следует* и нек. др.), а некоторые из них если и встречаются,

то очень редко (будущее долженствования, *да* + настоящее/будущее время, *обязан, должен, долженствует, старается* и др.). Наиболее частотные средства выражения обязывания в левом столбце, где конспективно излагается содержание статьи, — настоящее долженствования и инфинитив.

Выражение разрешения

Дозволение (в юриспруденции используется понятие «дозволение», в лингвистике — «разрешение») «представляет собой способ правового регулирования, выражающийся в предоставлении субъектам права на совершение определенных положительных действий или возможности выбора определенного варианта поведения» [Березина 2018: 107].

В уставах встретились следующие средства выражения разрешения: *может, дозволяется, имеет право, властен, имеет власть, не запрещается, дается право, можно* и нек. др. (табл. 3).

Таблица 3. Средства выражения разрешения в уставах Екатерины II и общее количество их употреблений в тексте

Средства выражения разрешения	Учреждение о губерниях	Устав благочиния
<i>может</i>	27	5
<i>дозволяется</i>	26	3
<i>имеет право</i>	20	2
<i>властен</i>	5	–
<i>имеет власть</i>	5	–
<i>не запрещается</i>	3	1
<i>дается право</i>	1	1
<i>можно</i>	1	–

По сравнению с петровским временем происходит как расширение репертуара средств выражения разрешения, так и увеличение частотности их употребления. Наиболее частотным способом выражения разрешения в уставах является глагол *мочь* в сочетании с инфинитивом:

- (20) ...*то уездный стряпчей по должности своей жалобу приносить может*, где *надлежит* (УГ. С. 192); *Всяк услужения или работы ищущий безопасно прийти может* к маклеру ради записания своего имени и желания (УБ. С. 53).

Глагол *дозволяться* близок по частотности употребления к глаголу *мочь*, однако способен употребляться как с инфинитивом, так с отглагольным существительным:

- (21) *Буде кто недоволен решением городского сиротского суда, тому дозволяется перенос из городского сиротского суда в губернский магистрат...* (УГ. С. 109); *В котором городе ото ста до двух сот домов, дозволяется разделить город на одни кварталы без частей...* (УБ. С. 24).

Примечательной особенностью екатерининских уставов (и в целом документов эпохи) является очевидное предпочтение в них полонизма *дозволяться*: глагол *позволяться*, широко употреблявшийся в документах петровского времени (см. [Руднев, Пушкарева 2021: 43–44]), отмечается редко (он возвращается в документы в эпоху Павла I); ср.:

- (22) *Иностранное горячее вино и прочия вне Российской империи деланныя всякия водки суть товар, с коим поступать по тарифам и которых из них провоз не запрещен, те **позволяется** всякому для своего обиходу и на продажу выписывать с платежем положенной пошлины* (УБ. С. 18).

Разрешение могло быть выражено как указание на отсутствие запрета при помощи глагола *не запрещается*. Этот способ известен с петровских уставов:

- (23) ***Не запрещается** чинить наем и прием слуги, служанки или работнаго человека, не объявля маклеру...* (УБ. С. 53).

К числу способов выражения разрешения, известных с петровского времени, относится также употребление предикатива *можно* в сочетании с инфинитивом.

Наряду с перечисленными в уставах отмечаются новые, ранее неизвестные способы выражения разрешения, имеющие заимствованный (калькированный) характер. Среди этих способов особенно отметим сочетание *иметь право*, калькирующее нем. *Recht haben* и фр. *avoir le droit* (см. примеры параллельного употребления в [СТК, 1: 205; 3: 276, 370; 6: 98; 7: 348, 366; 11: 173, 202 и др.]):

- (24) *...тогда земский исправник **имеет право** поступать, как о неисправных плательщиках в уставе казенной палаты написано* (УГ. С. 39); *...управа благочиния одна в городе **право имеет** приводить в действие повелении правления, решения палат и прочих судов...* (УБ. С. 26).

К этому сочетанию примыкают кальки *иметь власть* (ср. нем. *Gewalt/Macht haben*, фр. *avoir le pouvoir*; напр.: [СТК, 5: 229]), а также *дается право* (ср. фр. *le droit est donné* и нем. *das Recht gewährt/gegeben ist*):

- (25) *...дворянская опека **власть имеет** избирать опекунов к имению и к особе малолетняго...* (УГ. С. 59).
- (26) *...но просителю **дается право** избрать, быть судиму или нижним земским судом, или уездным судом, или нижнею расправою...* (УГ. С. 74); *...просителю **дается право** избрать, где быть судиму...* (УБ. С. 28).

Из новообразований в уставах екатерининского времени также отметим модальный оператор *властен*:

- (27) *Городничей **властен** подтвердить единожды о прилежнейшем смотреии каждому хозяину, чтоб крайняя везде осторожность наблюдаема была в домах от огня и пожара* (УГ. С. 96).

Эксплицитный способ дозволения имеет вид «X дозволяет / не запрещает», где X — лицо или учреждение, наделенное властью:

- (28) *Городничей **дозволяет** им [судьям и выборным] вступить в должности* (УБ. С. 26); *Управа благочиния **не запрещает** иноверцам, обитающим в городе, отправление их различных вер* (УБ. С. 34).

В екатерининское время заметно расширяется употребление глагола *мочь* для выражения разрешения. В деловых документах он встречался с петровского времени, однако использовался редко. По-видимому, этот способ разрешения не был типичен для допетровского периода делового языка. Так, употребление глагола *мочь* с разрешительной семантикой не фиксируется в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [СлРЯ XI–XVII, 9: 282], поэтому не исключено, что такое использование в XVIII в. является результатом семантического калькирования нем. *können*, который может употребляться в значении ‘dürfen’ (‘быть вправе’).

Модальный оператор *властен* в сочетании с инфинитивом не встречается в деловых текстах, в том числе в уставах, до Екатерины II. Происхождение русской конструкции «*властен* + инфинитив» не вполне ясно. Прилагательное *влас(т)ный* фиксируется в русском языке со второй половины XVI в. в значениях ‘владеющий, располагающий чем-л. как собственностью’, ‘относящийся к власти, господству’, ‘подлинный, настоящий’ [СлРЯ XI–XVII, 2: 219–220] и является, по-видимому, полонизмом. Не исключено, что русская инфинитивная конструкция могла быть калькой немецкой конструкции *mächtig sein* + Inf., которая ограничено употреблялась в XVIII в., ср.: *er ist mächtig genug, sein Vorhaben auszuführen* [Ebers 1798: 608] (конструкция представлена и в более ранних немецких текстах).

В немецко-русском словаре Я. Родде русскому *властен* в составе инфинитивной конструкции соответствует немецкое причастие *befugt*; ср.: *er ist befugt, dies zu thun* ‘он *властен* сие сделать’; *sie sind dazu nicht befugt* ‘они к тому не *властны*’; *er ist nicht befugt, darinn nach seinem Willen zu schalten* ‘он не *властен* управлять сим по своему соизволению’ [Rodde 1784: 76, 458]. В русско-немецком словаре Я. Родде *властен* переводится на немецкий как *berechtigt*: «*Властен, berechtigt*; он к тому *властен, er ist dazu berechtigt*» [Родде 1784: 21]. В немецко-русском словаре И. Гейма (1795) глагол *berechtigten* переводится как «дать кому власть, уполномочить, er ist dazu berechtigt он к тому *властен, он к тому право имеет*» [Гейм 1795: 158]. В двуязычных документах XVIII–XIX вв. (напр., в международных договорах; см. [СТК, 2: 161, 177; 11: 34]) слово *властен* соответствовало фр. *être en droit, avoir le pouvoir*, нем. *befugt/ermächtigt sein, Recht haben*. Оно обладало торжественной окраской и не имело широкого распространения в деловых текстах: сохраняло активность до середины XIX в., а далее теряет продуктивность.

Появление при Екатерине II новых средств выражения разрешения следует рассматривать не только в контексте русских заимствований из европейского права, но и как развитие дозволения в качестве способа правового регулирования.

При Екатерине II в целом увеличивается частотность употребления средств выражения разрешения в связи с усилением под влиянием европейского права представления о дозволении как важном средстве, способном гармонизировать частные и публичные интересы, воспитать общество и его членов, заинтересовать и побудить членов общества занять активную правовую позицию.

Выражение запрета

Под запретом понимается «способ правового регулирования, выражающийся в возложении на субъект права обязанности воздерживаться от совершения определенных действий. Различие запрета и обязывания проводится по виду поведения

субъектов: активного (обязывание) или пассивного (запрет)» [Березина 2018: 109]. Как уже было отмечено, «запрещено то, от чего обязательно воздерживаться; запрещено все, что не является разрешенным» [Ивин, Никифоров 1997: 81].

Средства выражения запрета в уставах екатерининского времени очень разнообразны. По способу выражения запрещения все средства можно разделить на грамматические и лексические, с семантической точки зрения — на производные от средств выражения обязывания (обязывание не делать что-либо) и на производные от средств выражения разрешения (указание на отсутствие разрешения).

Таблица 4. Грамматические средства выражения запрета в уставах Екатерины II и общее количество их употреблений в тексте

Средства выражения запрета	Учреждение о губерниях	Устав благочиния
не + настоящее долженствования	63	9
не + будущее долженствования	4	–
да не + настоящее/будущее время	15	2
не + инфинитив	13	6

Грамматическими средствами выражения запрета (табл. 4) являются формы настоящего долженствования с отрицанием, сочетание «да не + настоящее/будущее время», инфинитив с отрицанием, будущее долженствования с отрицанием (в «Уставе благочиния» последнее из перечисленных средств не встретилось):

- (29) *Городничей ни в каком опасном случае город **не покидает** под опасением лишения места и чести (УГ. С. 90); Управы благочиния власть далее того города, где определена, и того города предместия и слобод **не распространяется** (УБ. С. 36).*
- (30) *В больницу **не принимать** никого без записки за рукою главного надзирателя (УГ. С. 155); ...буде у таковых [членов неутвержденного общества] окажутся обязательства, правила, положения, постановления, то ни во что **не вменять**... (УБ. С. 34).*
- (31) *...но чтение таковое **да не продлится** более получаса (УГ. С. 170); Губернскому прокурору или губернскому стряпчему никто **да не перебивает** речь (УГ. С. 173); ...и просьба о том **да не приемлется** в словесном суде (УБ. С. 64).*
- (32) *Нужныя же и полезныя строения малолетняго, где находятся, опекун **не допустит** до разрушения или упадка... (УГ. С. 67)*

Все грамматические средства восходят к моделям обязывания, осложненным отрицательной частицей *не*. Можно отметить широкое употребление глагола в форме настоящего долженствования с частицей *не*, эта форма не употреблялась в петровское время (настоящее долженствования, к которому восходит этот способ выражения запрета, в петровских уставах и регламентах в целом встречается редко [Руднев, Пушкарева 2021: 39–44]). Наоборот, инфинитив с отрицанием был типичной формой выражения запрета в екатерининскую эпоху. Что касается модели «да не + будущее время», то в екатерининских текстах отмечается возрождение этой формы выражения запрета, типичной для петровского времени и редко употреблявшейся в период после Петра I (напр., в Таможенном уставе 1755 г. эта модель не встречается).

Таблица 5. Лексические средства выражения запрета в уставах Екатерины II и общее количество их употреблений в тексте

Средства выражения запрета	Учреждение о губерниях	Устав благочиния
<i>запрещается</i>	46	12
<i>не может</i>	6	2
<i>не должен</i>	5	1
<i>не долженствует</i>	3	–
<i>не властен</i>	2	–
<i>не должно</i>	1	–
<i>не надлежит</i>	1	–
<i>не имеет власти</i>	1	–
<i>теряет(ся) право</i>	16	–
<i>да воздержится</i>	15	1
<i>да не дерзает</i>	1	–
<i>подтверждается запрещение</i>	–	19
<i>подтверждается и возобновляется запрещение</i>	–	11

Из лексических средств наиболее частотно выражение запрета при помощи *запрещается* (*запрещать* — ‘не разрешить, не допустить чего-л.’ [СлРЯ XVIII, 8: 65]:

- (33) *Перенос дела из верхняго земскаго суда в палаты **запрещается**, буде тяжба идет о деле, котораго настоящая цена есть ниже ста рублей* (УГ. С. 47); ***Запрещается** всем и каждому ради различия веры вчинять ссоры, или распри, или брань, или учинить поношения* (УБ, 55).

Лексические средства выражения запрета (табл. 5), восходящие к моделям выражения обязывания, встречаются редко: *не должен*, *не долженствует* — в двусоставных предложениях, *не надлежит*, *не должно* — в односоставных; напр.:

- (34) *...быть посредником никто из живущих в обществе отказать **не должен**...* (УГ. С. 165); *Частный пристав, буде о чем по должности сомнение или затруднение имеет, то доложится городничему, и требовать приказаня, в чем городничий **отказать не должен*** (УБ. С. 45):
- (35) *...и, следовательно, **бы** в решении разногласия быть **не долженствовало**...* (УГ. С. 50).

Лексические средства выражения запрета, восходящие к моделям выражения разрешения: *не может*, *не властен*, *не имеет власти*.

- (36) *Когда губернский магистрат не в собрании, тогда заседают помесячно по два члена в каждом департаменте, кои ни решить дела, ни обнародований никаких делать **не могут**...* (УГ. С. 124); *...и в таких случаях при споре или ссоре **не может** никто ожидать никакова пособия от управы благочиния и ей подчиненных...* (УБ. С. 64).
- (37) *В телесных же наказаниях людей и крестьян опекун сам собою поступать **не властен**...* (УГ, 113).

К этой группе примыкает сочетание *теряет/теряется право*:

(38) ...и истец, и ответчик **теряют право** возобновлять впредь о том прозъбу во всяком судебном месте... (УГ. С. 166).

По сравнению с петровской эпохой происходит утверждение модели «не может + инфинитив», которая ранее, по нашим наблюдениям, использовалась редко (примеры употребления см. [Руднев, Пушкарева 2021: 44]).

Отдельно отметим использование для выражения запрета сочетаний *да воздержится* и *да не дерзает*:

(39) ...каждая палата по делам, порученным другой палате, **да воздержится** писать или послать с повелением в подчиненныя места... (УГ. С. 200); Управа благочиния в подсудное ведомство другого места **да воздержится** вступаться (УБ. С. 36).

Сочетание «*да воздержится* + инфинитив» по форме является выражением обязывания; семантика запрета создается благодаря лексическому значению глагола *воздержаться* — ‘удержать себя от чего-л. (вредного, пагубного, неуместного); умерить, сдержать свои желания, страсти’ [СлРЯ XVIII, 3: 295]. Модель «*да не дерзает* + инфинитив» широко использовалась в некоторых петровских уставах (так, в Артикуле воинском отмечено 46 случаев употребления этой модели [Руднев, Пушкарева 2021: 45]).

Эксплицитный способ выражения запрета имеет вид «X не дозволяет», где X — лицо или учреждение, обладающее властью:

(40) Управа благочиния **не дозволяет** в городе гражданину вчинять новизну в том, на что узаконение есть... (УБ. С. 33).

Уставы екатерининского времени демонстрируют расширение средств выражения запрета по сравнению с петровскими уставами, в которых для этого использовался независимый инфинитив с отрицанием, глагол *запрещается*, сочетания *не позволяется*, *не позволено*, *не дерзать* (в формах *да не дерзает* и *да не дерзал бы*), *не может* и нек. др. [Руднев, Пушкарева 2021: 44–45]. Расширение репертуара средств выражения запрещения соответствовало процессу расширения средств выражения обязывания и разрешения. Это указывает на тесную связь всех способов правового регулирования, которая проявляется и на лексическом уровне. Распространение в качестве способов выражения обязывания настоящего и будущего должествования глагола, конструкции «*да + настоящее/будущее время глагола*», модальных операторов *должен*, *долженствует* и пр. делало возможным их употребление в сочетании с частицей *не* для выражения запрета. Аналогичным образом распространение в качестве способов выражения разрешения глаголов *мочь*, *дозволяться*, *властен*, конструкций с существительными *право*, *власть* обусловило их проникновение в сферу выражения запрета при их сочетании с частицей *не*. Отметим, что конструкции разрешения с существительными *право*, *власть* приобретали антонимическое значение не только при сочетании глагола *иметь* с частицей *не*, но и при помощи глагола *терять(ся)*, выражая идею запрета по-разному — как отсутствие права или власти на совершение действий или как их утрату в определенных условиях.

В уставах екатерининской эпохи встречается конструкция *подтверждается* (и *возобновляется*) *запрещение*, которая представляет собой кальку немецкого со-

четания *Verbot bestätig(e)t/ingeschärft/confirmier(e)t (und erneuert)*. Ср. эту конструкцию в переводе «Устава благочиния» на немецкий язык:

- (41) **Подтверждается и возобновляется запрещение** учинить уголовныя преступления противу обитаний, как то... (УБ. С. 59) — *Es wird hiemit das **Verbot eingeschärft und erneuert**, daß niemand peinliche Verbrechen gegen Wohnungen begehe, als...* [RKP 1782: 55].
- (42) **Подтверждается запрещение** учинить уголовное преступление противу общенароднаго здоровья, как то... (УБ. С. 60) — *Es wird hiemit das **Verbot eingeschärft**, daß niemand ein peinliches Verbrechen gegen die Gesundheit des Volks begehe, als...* [RKP 1782: 57].

В «Уставе о вине», кроме конструкции *подтверждается и возобновляется запрещение* (3 случая), встречаются построенные по аналогичной модели конструкции *подтверждается и возобновляется дозволение и право* (немецкая калька *Erlaubnis und Recht bestätig(e)t/confirmier(e)t und erneuert*) и *подтверждается и возобновляется повеление* (*Befehl bestätig(e)t/confirmier(e)t und erneuert*):

- (43) **Подтверждается и возобновляется дозволение и право** дворянам и дворянкам в своих дворянских отчинах или поместьях курить вино... (УВ. С. 18).
- (44) **Подтверждается и возобновляется повеление** для сбережения лесов употреблять пильной лес на строение судов, на коих возится вино (УВ. С. 22).

Различные глагольно-именные императивные конструкции с причастиями *bestätig(e)t/confirmier(e)t* и *erneuert* широко используются в немецких документах, под влиянием которых в русских деловых текстах возникают конструкции типа «*подтверждается (и возобновляется) дозволение/запрещение/повеление/право + инфинитив*».

Выводы

Анализ средств выражения императивности в уставах екатерининского времени позволяет выявить ряд изменений по сравнению с уставами петровской эпохи. Прежде всего можно отметить расширение употребления двусоставной модели императивного предложения за счет сокращения односоставной модели, хотя независимый инфинитив продолжает оставаться одним из основных способов выражения обязывания и в меньшей степени запрета. Широко распространяется настоящее и будущее долженствования, вновь входит в широкое употребление императивная конструкция с частицей *да*.

Лексические средства выражения обязывания, разрешения и запрета в значительной степени сохраняют связь с петровской эпохой. К числу таких средств относятся лексемы *должен, долженствует, имеет, надлежит, обязан, повинен* в сочетании с инфинитивом при выражении обязывания; *может, можно, не запрещается, позволяется* — при выражении разрешения; *запрещается* — при выражении запрета. Среди перечисленных лексем можно отметить сокращение употребления *надлежит, повинен, позволяется* и, наоборот, расширение употребления *должен, долженствует, может, обязан*. Из употребления уходят лексема *вольно*, сочетание *дается воля* в качестве средств выражения разрешения. Появляются и начинают

использоваться новые императивные средства: *следует, дозволяется, властен, старается* (+ инфинитив), «*да не* + настоящее/будущее время», сочетания *имеет право, имеет власть* (+ инфинитив) и нек. др. Таким образом, можно говорить о разнонаправленных тенденциях в сфере императивной лексики — об активизации фонда императивных средств петровской эпохи, с одной стороны, и об активном заимствовании новых императивных средств — с другой.

Из отчетливых тенденций екатерининского времени можно отметить также расширение употребления и репертуара средств выражения разрешения, что соответствовало усилению начал диспозитивного права. Соответствует этой тенденции и смягчение тональности екатерининских уставов, что проявляется, например, в очень ограниченном употреблении интенсификаторов выражения обязывания и запрета (об их широком использовании в петровское время см. [Руднев, Пушкарёва 2021: 45–46]).

Источники

- Наказ 1767 — *Ея императорскаго величества Наказ Коммиссии о сочинении проекта нового уложения*. Moscau: Kaiserl. Univ. Buchdruck., 1767. 156 с. Загл. и текст парал. на рус. и нем. языках.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 26.03.2023).
- СТК — *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами: в 15 т.* СПб.: Тип. М-ва путей сообщ. (А. Бенке), 1874–1909.
- УБ — *Устав благочиния или Полицейской. Часть первая*. [Утвержден в Санкт-Петербурге апреля 8 дня 1782 года]. [СПб.]: [Сенатская тип.], [1782].
- УВ — *Устав о вине*. [Утвержден] [В Царском Селе сентября 17 дня 1781 года]. [М.]: [Сенат. тип.], [между 1790 и 1799].
- УГ — *Благочестивейшия и самодержавнейшия великия государыни императрицы Екатерины Вторыя учреждения для управления губерний Всероссийския империи*. М.: Моск. Сенат. тип., 1789.
- УПВ — *Указы блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго самодержца всероссийскаго*. Состоявшийся с 1714, по кончину его императорскаго величества, генваря по 28 число 1725 году. Напечатаны по указу всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы всероссийской. СПб.: При Имп. Акад. наук, [1753].
- Шванвиц 1745 — Шванвиц М. *Немецкая грамматика, собранная прежде из разных авторов, а ныне для употребления Санкт-Петербургской гимназии вновь пересмотренная и во многих местах исправленная*. СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1745.
- РКР 1782 — *Russisch-Kaiserliche Polizeyordnung*. Auf allerhöchsten Betehl aus dem Russischen übersetzt von C. G. Arndt. Th. 1. St. Petersburg: Gedruckt in der privilegirten Buchdruckerey bey Schnoor, 1782.

Словари и справочники

- Вейсманн 1731 — Вейсманн Э. *Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами рускаго языка к общей пользе при Императорскои Академии наук печатню издан*. St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731.
- Гейм 1795 — *Словарь немецко-российский и росийско-немецкий старанием Иоганна Гейма, коллежскаго ассессора и Императорскаго Московскаго университета профессора и подъбиблиотекаря*. Часть первая, содержащая немецкой с российском [!] переводом. В Риге: Продается у Иоганна Фридриха Гарткноха, 1795.
- Григорьев 1910 — Григорьев В. *Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.)*. СПб.: Русская скоропечатня, 1910.

- Краткий словарь 1974 — *Краткий словарь видов и разновидностей документов*. Малитиков А. С. (отв. ред.). М.: ВНИИДАД, 1974.
- Родде 1784 — *Российской лексикон по алфавиту, изданный Яковом Родде, секретарем и переводчиком при Магистрате российского императорского города Риги*. Рига: в Иогана Фридриха Гарткноха [!], 1784.
- САР — *Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: в 6 ч.* СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789–1794.
- СЛРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–31. М.: Наука; Азбуковник, 1975–2019 (издание продолжается).
- СЛРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века*. Сорокин Ю. С. (гл. ред.). Вып. 1–6. Л.: Наука, 1984–1991; Вып. 7–22. СПб.: Наука, 1992–2019.
- Ebers 1798 — *The New and Complete Dictionary of the German and English Languages Composed Chiefly After the German Dictionaries of Mr. Adelung and of Mr. Schwan. Every German Word Being Rendered Into Proper English and Thoroughly Enriched with Phrases and Terms of Arts and Sciences: a Work, which Will be Useful and Even Indispensible, and Therefore Welcome to All Such as Have a Mind to Translate Or Read the Works of Either of the Two Languages, Elaborated by Johann Ebers*. Vol. II. Leipzig: Printed by Breitkopf and Haertel, 1798.
- Rodde 1784 — *Deutsch-Russisches Wörterbuch ausgegeben von Jacob Rodde Secretair und Translateur Eines Hochedlen Rathes der Russischen Kaiserlichen Stadt Riga*. Riga: bey Johann Friedrich Hartknoch, 1784.

Литература

- Березина 2018 — Березина Е. А. К вопросу о способах правового регулирования. *Личность, право, государство*. 2018, 2: 101–114.
- Дускаева, Протопопова 2016 — Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Официально-деловой стиль. В кн.: *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Кожина М. Н. (ред.). 3-е изд., стер. М.: Флинта; Наука, 2016. С. 273–277.
- Ивин, Никифоров 1997 — Ивин А. А., Никифоров А. Л. *Словарь по логике*. М.: Владос, 1997.
- Кобозева, Лауфер 1991 — Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Семантика модальных предикатов должностования. В кн.: *Логический анализ языка. Культурные концепты*. М.: Наука, 1991. С. 169–175.
- Колобкова 1995 — Колобкова Л. В. *Средства выражения модального значения волеизъявления в русском языке XVII — начала XVIII веков*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1995.
- Лукашевич 1991 — Лукашевич А. А. Виды документов в Российском государстве первой половины XVIII в. (на материале Генерального регламента). *Советские архивы*. 1991, 4: 38–46.
- Мадариага 2002 — Мадариага И. *Россия в эпоху Екатерины Великой*. Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Омелехина 2015 — Омелехина Н. В. *Позитивное обяывание в финансовом праве*. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Новосибирск, 2015.
- Орлова 2014 — Орлова Н. В. Модальность и тональность современных документов с предписывающей функцией. *Вестник Омского университета*. 2014, 4: 188–193.
- Пичхадзе 2010 — Пичхадзе А. А. Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках. *Вопросы языкознания*. 2010, 5: 14–24.
- Пушкарева 2021 — Пушкарева Н. В. Особенности проявления императивности в тексте «Устава Морского» 1720 года. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2021, 43 (6): 57–64.
- Руднев 2021 — Руднев Д. В. История модализации глагола *следовать*. *Славянская историческая лексикология и лексикография*. 2021, 4: 107–114.
- Руднев 2022 — Руднев Д. В. Язык Генерального регламента 1720 года (к 300-летию первого издания). *Сибирский филологический журнал*. 2022, 1: 178–191.
- Руднев, Пушкарева 2021 — Руднев Д. В., Пушкарева Н. В. Регламенты петровского времени в аспекте императивности. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2021, 20 (4): 36–49.

- Русанова 2014 — Русанова С. В. Глагол *благовоить* в региональном тексте промемории XVIII в. и в словаре (на материале Забайкальской деловой письменности). *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014, 3: 188–190.
- Садова 2021 — Садова Т. С. Слово «надлежит» в составе императивной формулы в тексте «Устава воинского» 1716 года. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2021, 43 (3): 8–16.
- Соколова 1952 — Соколова М. А. Выражение волеизъявления в русских бытовых и деловых памятниках XVI века. *Ученые записки ЛГУ*. 1952, 161: 52–79.
- Шатуновский 1996 — Шатуновский И. Б. *Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика)*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Ширинкина 2018 — Ширинкина М. А. Регламентирующие документы исполнительной власти в аспекте тональности (сопоставительно с директивными). *Политическая лингвистика*. 2018, 1 (67): 120–130.
- Шмелев 2002 — Шмелев А. Д. *Русская языковая модель мира: материалы к словарю*. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Hansen 2001 — Hansen B. *Das slavische Modalauxiliar: Semantik und Grammatikalisierung im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen*. München: Sagner, 2001.

Статья поступила в редакцию 8 апреля 2022 г.

Рекомендована в печать 16 июня 2023 г.

Dmitriy V. Rudnev

Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, nab. r. Moiki, St. Petersburg, 191186, Russia
rudnevd@mail.ru

Means of expressing imperativeness in the statutes of the era of Catherine II*

For citation: Rudnev D. V. Means of expressing imperativeness in the statutes of the era of Catherine II. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2023, 20 (4): 768–787.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.406> (In Russian)

In the language of documents of the reign of Catherine II, the genre of statute, which was rare after the death of Peter I, became noticeably more active. There were created numerous statutes that dealt with various aspects of Russian life (maritime and military affairs, administration, legal proceedings, education, etc.) and were an important tool for the modernization and Europeanization of Russian state. The texts of statutes are of interest for studying not only how the authorities saw the desired structure of a certain sphere of public life, but also how relations between the participants (subjects of law) in these spheres should be built. In this regard, of particular interest is the imperative vocabulary of the statutes, which linguistically embodies the methods of legal regulation. The article describes and analyzes the means of expressing imperativeness in the two most important statutes of the era of Catherine II — in the “Constitution for the Administration of governorates of the Russian empire” (1775) and the “Discipline (Police) Regulations” (1782). The revealed imperative models are classified according to the ways of expression and of conceptualizing the imperative meaning and are compared with the models in the statutes of the previous era. Based on the comparison, the productivity of imperative models is revealed, and in the absence of models in the past, the sources of their appearance in the Russian language.

Keywords: Russian language of the 18th century, history of Russian official language, imperativeness, statutes, Catherine II.

* The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), the projects no. 20-012-00338 “The system of imperative means in the Russian official language of the XVIII century”.

References

- Березина 2018 — Berezina E. A. To the question of the methods of legal regulation. *Lichnost', pravo, gosudarstvo*. 2018, 2: 101–114. (In Russian)
- Дускаева, Протопопова 2016 — Duskaeva L. R., Protopopova O. V. Formal business style. In: *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka*. Kozhina M. N. (ed.). Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 2016. P. 273–277. (In Russian)
- Ивин, Никифоров 1997 — Ivin A. A., Nikiforov A. L. *Dictionary of logic*. Moscow: Vldos Publ., 1997. (In Russian)
- Кобозева, Лауфер 1991 — Kobozeva I. M., Laufer N. I. Semantics of modal predicates of obligation. In: *Logicheskii analiz iazyka. Kul'turnye kontsepty*. Moscow: Nauka Publ., 1991. P. 169–175. (In Russian)
- Колобкова 1995 — Kolobkova L. V. *Means of Expressing the Modal Meaning of the Expression of Will in the Russian Language of the 17th — Early 18th Centuries*. PhD thesis abstract. Tver, 1995. (In Russian)
- Лукашевич 1991 — Lukashevich A. A. Types of documents in the Russian state in the first half of the 18th century (based on the General'nyi reglament). *Sovetskie arkhivy*. 1991, 4: 38–46. (In Russian)
- Мадариага 2002 — Madariaga I. *Russia in the age of Catherine the Great*. Transl. from English by N. L. Luzhetskaia. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. (In Russian)
- Омелехина 2015 — Omelekhina N. V. *Positive obligation in financial law*. PhD thesis abstract. Novosibirsk, 2015. (In Russian)
- Орлова 2014 — Orlova N. V. Modality and Tonality of Contemporary Documents with Prescriptive Function. *Herald of Omsk University*. 2014, 4: 188–193. (In Russian)
- Пичхадзе 2010 — Pichkhadze A. A. Expression of the Imperative and Optative Values in the Old and Middle Russian Prescriptive Documents. *Voprosy iazykoznaniiia*. 2010, 5: 14–24. (In Russian)
- Пушкарева 2021 — Pushkareva N. V. Specific features of imperativeness in the text of the 1720 Naval Charter. *Proceedings of Petrozavodsk University*. 2021, 43 (6): 57–64. (In Russian)
- Руднев 2021 — Rudnev D. V. The history of modalization of the verb *sledovat'*. *Slavianskaia istoricheskaia leksikologiya i leksikografiia*. 2021, 4: 107–114. (In Russian)
- Руднев 2022 — Rudnev D. V. Language of the General Regulations of 1720 (on the occasion of the 300th anniversary of its first edition). *Siberian Journal of Philology*. 2022, 1: 178–191. (In Russian)
- Руднев, Пушкарева 2021 — Rudnev D. V., Pushkareva N. V. Regulations of Peter the Great in the aspect of imperativeness. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Iazykoznanie*. 2021, 20 (4): 36–49. (In Russian)
- Русанова 2014 — Rusanova S. V. The verb *blagovolit'* in the regional text of promemoriya in 18th century and in the dictionary (on the material of Transbaikalian official writing). *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2014, 3: 188–190. (In Russian)
- Садова 2021 — Sadova T. S. The word “nadlezhit” as part of the imperative formula in the Military Charter of 1716. *Proceedings of Petrozavodsk University*. 2021, 43 (3): 8–16. (In Russian)
- Соколова 1952 — Sokolova M. A. Expression of Will in Russian Everyday and Document Texts of the 16th Century]. *Uchenye zapiski LGU*. 1952, 161: 52–79. (In Russian)
- Шатуновский 1996 — Shatunovskii I. B. *Sentence semantics and non-referential words (meaning, communicative perspective, pragmatics)*. Moscow: Shkola “Iazyki russkoi kul'tury” Publ., 1996. (In Russian)
- Ширинкина 2018 — Shirinkina M. A. Regulatory Documents of the Executive Power in the Aspect of Tonality (Compared to Directory Ones). *Political Linguistics*. 2018, 1 (67): 120–130. (In Russian)
- Шмелев 2002 — Shmelev A. D. *Russian language model of the world. Materials for the dictionary*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002. (In Russian)
- Hansen 2001 — Hansen B. *Das slavische Modalauxiliar: Semantik und Grammatikalisierung im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen*. München: Sagner, 2001.

Received: April 8, 2022

Accepted: June 16, 2023